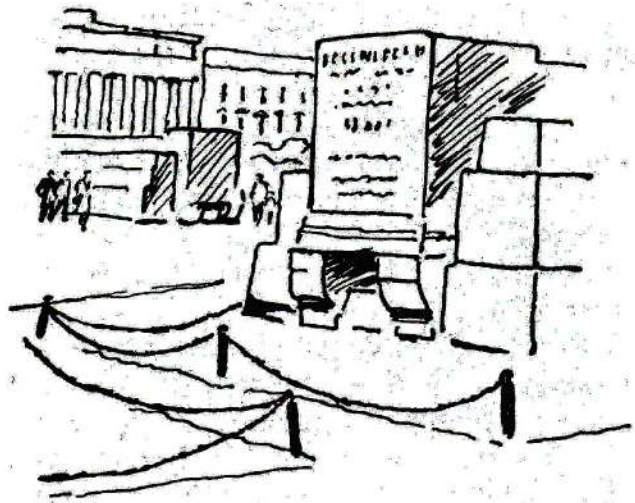

Григорий Мейлицев,
Ирина Сидорова

Гаврош Красного Петрограда

Рабочий революционный героический театр давал спектакль «Парижская коммуна» в инсценировке А. А. Мгеброва. Зрительный зал бывшего театра варьете заполнили сотни матросов. Они сидели в креслах и на полу, стояли у колонн, оклеенных яркими агитплакатами. По мере приближения к развязке спектакля атмосфера в зале накалялась, зрители втянулись в водоворот событий.

...Где-то совсем близко гремит канонада, враги уже на баррикадах, срывают с них флаги, хватают ком-

мунаров, одних — уводят, других — убивают на месте.

Вот сцена суда над парижанами — последняя в спектакле. Среди коммунаров, приведенных на расстрел к стене кладбища Пер-Лашез, матросы увидели маленького глазастого оборвыша, Гавроша парижских улиц. Как он оказался здесь? Ведь героев-парижан привели сюда бесстрашие, презрение к смерти, ненависть к буржуазии, к версальскому правительству, предавшему интересы Франции. Почему здесь ребенок?

— Эй, малыш, беги! — кричат зрители. — Да поскорей! Мы за тебя постоим!

Но мальчик даже не шевельнулся. Он стоит в одном ряду со взрослыми, готовыми бесстрашно принять смерть.

— Беги! Чего стоишь? — еще громче кричат матросы.

Когда версальцы вскинули винтовки, он вдруг сделал несколько шагов вперед и обратился к офицеру:

— Мне нужно обегать домой, отнести отцу его часы. Они у меня остались случайно. Я только отдам часы и вернусь.

В глазах офицера — насмешка. Поигрывая ремешком от нагана, он говорит:

— Что, трусил, гаденыш?

Но мальчик смотрит на него такими искренними глазами, что офицер заколебался:

— Где твой дом?

— У фонтана!

286 — Отпусти мальчишку! — раздается властный голос из зала. — Отпусти по-хорошему!

— Отпусти, контра!

— Отпусти-и-и! — уже ревет весь зал, и топает ногами, и бряцает оружием.

Офицер, помедлив, кивает головой. И зал с облегчением провожает глазами маленькую фигурку, проворно скрывшуюся за кулисой.

...Расправа над коммунарами подходила к концу. И в это время среди последних оставшихся в живых появился мальчик-оборвыш. С тоской смотрел ребенок на мертвые тела. Но на его глазах не было слез. Он

наклонился к одному из погибших коммунаров, бережно взял из его рук красное знамя и, встав к стене, сказал:

— Я готов! Вив ля коммюн! Вив ля коммюн! Пусть знают все, кто трус!

Раздался залп, и почти сразу опустился занавес. Зал неистовствовал. Из рядов кричали:

— Звери! Убийцы!

— Да здравствует Парижская коммуна!

В это время перед занавесом появился высокий, худой, чуть сутулый человек, жестом успокоил зал и прочитал несколько строк из стихотворения Виктора Гюго:

Был взрослый посрамлен,
а мальчик был герой.
К ответственности звать тебя
никто не вправе,
Но утренним лучам,
ребяческой забаве,
Всей жизни будущей, свободе
и весне —
Ты предпочел прийти к друзьям
и встать к стене.
И слава вечная тебя поцеловала.

...Это был обычный вечер в Рабочем революционном героическом театре в Петрограде весной 20-го года. Совсем обычный для известного актера и режиссера Александра Авельевича Мгеброва и его сына Коти, который играл юного коммунара. Он исполнял роль почти своего сверстника, совершавшего на глазах зрителей героический поступок.

Но прежде чем рассказать о Коте, мы должны познакомить читателя с его родителями. С теми, кто боролся и жил в обстановке голода и

лишений, постоянной военной опасности. Это будет рассказ об утре революции, о ранних зорях нового искусства, о высоком горении его творцов.

* * *

...В эту комнатуходишь, как в зал театрального музея. Все здесь говорит о театре. Так живут артисты, так жили раньше, так продолжают жить и сегодня.

За столом — хозяйка Виктория Владимировна Чекан. На большом портрете в раме на стене она сфотографирована в спектакле «Взятие Бастилии».

Годы оставили след на ее лице, но в окружении тонких морщинок по-молодому живо поблескивают глаза. У нее хорошо поставленный голос, не утративший ни свежести звучания, ни разнообразия интонаций. Это профессиональное, актерское. Разговаривая, она как бы прислушивается к себе, привычно выверяя музыкальность фразы и тембр голоса. Ее жесты выразительны и неожиданны. Неторопливо ходит она по комнате, показывая на фотографии и картины.

Посредине комнаты — большой черный рояль, над письменным столом — полки для книг. Рядом белый гипсовый бюст человека с резко очерченными чертами лица — скульптурный портрет мужа — А. А. Мгеброва. Сложенная гармошкой афиша сообщает, что 25 мая 1918 года в Народном собрании (бывшем Дворянском) на Итальянской, 2, состоится спектакль-концерт «Элект-

Котя Мгебров-Чекан.

ра» по пьесе Гуго фон Гофманшталя. В ролях: Электра — Виктория Чекан, Орест — Александр Мгебров. Режиссура А. Мгеброва.

В просторной комнате мало что напоминает о сегодняшнем дне, разве что висящая на стене афиша Кингисеппского дома культуры, которая извещает о спектакле «Антигона» в Народном театре. Среди режиссеров театра — имя Виктории Бортиной, дочери Мгеброва и Чекан.

Одна из фотографий останавливает внимание: сцена из спектакля 1919 года «Легенда о коммунаре» —

Мать Коти артистка В. В. Чекан в спектакле «Взятие Бастилии».

артист Вольский в роли Сына Земли, рядом с ним мальчик.

Это Котя Мгебров — маленький артист-коммунар. Со снимка на нас смотрят большие умные глаза; красивый овал мягкого подбородка придает сходство с матерью.

Так вот он какой! Сейчас ему было бы уже шестьдесят. Но он ушел из жизни совсем юным.

У памяти свои законы. Иногда она сохраняет целые сцены из жизни, иногда только фрагменты. Живут в памяти слова, сказанные много десятилетий назад, запоминаются отдельные фразы.

Виктория Владимировна рассказывает о себе и своих родителях. Сначала речь ее, плавная, ровная, звучит несколько приглушенно, будто актриса на черновой репетиции повторяет большой монолог про себя. Затем она оживляется; затронуто что-то большое, глубинное, близкое сердцу.

В молодости она любила повторять где-то прочитанную фразу: «Я верю во всех богов, которые делают добро, и не верю в богов, делающих зло». Любить жизнь — значит не только поклоняться ей, а ежедневно, ежечасно творить добро, нести людям свет и радость! Желание это зародилось в ней еще в ранней юности. Тогда она жила на Урале. Там прошло ее детство. Отец Виктории Чекан был редактором и издателем газеты «Урал».

В небольшом закрытом пансионе, где она сдавала экстерном за семь классов, ее застали события 1905 года. Пришла печальная весть: на баррикадах около екатеринбургского Гостиного двора погиб друг Виктории — сотрудник газеты. Около обойной фабрики Круковских у села Ели-

заветина, на берегу горной речонки, встречалась она с революционно настроенной фабричной молодежью.

Вскоре увлеклась театром. В сезон 1906/07 года видела на сцене театров Екатеринбурга немало больших артистов. Дальский, Варламов, Комиссаржевская... А сколько было провинциальных знаменитостей, умевших покорять сердца, слушая которых хотелось стремиться к прекрасному, благородному!

Бывала Виктория и на подпольных собраниях, которые проходили на квартире у Ольги Горновой — старшей подруги по гимназии, дочери железнодорожника. Ольга давала Виктории политическую литературу, знакомила с революционно настроенными студентами.

Весной 1907 года отец предложил Виктории стать «хозяйкой газеты», заменить его. Она отказалась: хочу учиться, уйти в театр. Вскоре отец, передав газету владельцу типографии, решил покинуть Екатеринбург.

Уезжали втроем, вместе с Ольгой Мещерской, дочерью служащего редакции.

Виктория и Ольга приехали в Петербург не просто учиться, они стали работать агентами по сбору объявлений для «Слова Урала» (новый хозяин газеты изменил ее название). За это им полагалось жалованье — 30 рублей в месяц и проценты «за усердие».

Отец Виктории прожил с ними две недели в гостинице, показал петербургские достопримечательности, а затем предложил подругам найти комнату поскромнее, в соответствии с бюджетом. По зеленым наклейкам напротив дома Зингера, на углу Невского и Екатерининского канала, они сняли комнату за 16 рублей в месяц. Напутствуя девушек, отец сказал: «Будьте сильными! Вся жизнь, Виктория, в твоих руках».

Так началась новая жизнь. Девушки ходили по фирмам, магази-

Николай Галицкий,
Тамара Зуева

«Героям Октябрьской революции»

В южной части парка Ленинградской лесотехнической академии имени С. М. Кирова старые клены и вязы зеленым кольцом окружили высокий холм, в центре которого установлен гранитный обелиск с высеченными на нем словами: «Вечная па-

мять героям Октябрьской революции». Это — Октябрьская братская могила. Здесь в ноябре 1917 года похоронены красногвардейцы и солдаты, павшие в боях против контрреволюционных войск Керенского и Краснова под Пулковом и Царским Селом. В этой же могиле в августе 1918 года похоронены моряки из Второго экспедиционного отряда Балтийского военного флота, погибшие в сражениях с англо-французскими интервентами на Северном фрон-

те. У подножия холма — несколько отдельных могил видных участников Октябрьской революции и гражданской войны.

В исторические Октябрьские дни огромную роль в вооруженной борьбе сыграли рабочие красногвардейские отряды. Руководимые большевиками, шли они вместе с революционными солдатами и матросами на штурм Зимнего дворца, вместе с ними защищали завоевания Октября от внутренних и внешних врагов

нам, конторам, заводам и фабрикам, предлагая помещать объявления в газету «Слово Урала».

Однажды Виктория увидела на Невском, напротив Гостиного двора, на верхнем этаже надпись: «Драматические курсы Поллак». Здесь она решила держать приемный экзамен. Прочитала крыловскую басню «Ворона и Лисица» и была принята в класс Марии Михайловны Читау.

Срочным письмом она известила отца, поселившегося под Сухуми, о решении учиться на драматических курсах. В ответ получила категорический отказ в деньгах на ученье. Отец требовал немедленно приехать для личных объяснений. Пошла советоваться к Читау, и Мария Михайловна сказала: «Ты будешь учиться бесплатно, я брать деньги с тебя за уроки не буду, остальное устроит Поллак».

Вскоре Виктория познакомилась с одной из учредительниц Бестужевских женских курсов Надеждой

Александровной Белозерской, которая посоветовала ей поступить в театральную школу на улице Зодчего Росси. Экзаменовались 116 девушек, но приняты были только восемь, и среди них Виктория Чекан.

Играла в пьесах Чехова. Любила Савину, Стрельскую, Варламова и Яковлева за их мастерство, за сочность, колоритность игры.

Затем получила приглашение в Старинный театр, сыграла роль Лауренсии в «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега.

Именно в этом театре, который с большим успехом выступал в Соляном городке, напротив Летнего сада, произошла ее встреча с А. А. Мгебровым.

Ненадолго прервем рассказ о Виктории Владимировне и дадим слово документам и фактам, они расскажут об отце Коти, который умер в 1966 году.

Одним из надежных бастионов революции была Выборгская сторона — насыщенная промышленными предприятиями рабочая окраина Петрограда. Красная гвардия Выборгского района насчитывала в своих рядах к октябрю 1917 года не менее 10 тысяч бойцов. Красногвардейские отряды были здесь почти на каждом заводе, на каждой фабрике. Организованные, дисциплинированные, они хорошо проявили себя в дни Октябрьских событий, а когда над первым

в мире социалистическим государством нависла угроза контрреволюции, грудью встали на его защиту.

Отряды Красной гвардии проявили исключительную храбрость и мужество. Сражавшиеся рядом с ними солдаты и матросы говорили, что ни голод, ни холод, ни казачьи дивизии Керенского не могли охладить революционного пыла красногвардейцев. «Героические красные батальоны, не имея опытных командиров, нередко отрывались от своих баз,— писал Н. И.

Подвойский. — ...Бойцы были сплошь и рядом в легких, порванных сапогах, в рабочих куртках. Они должны были носить на себе огромные запасы патронов... Вся местность, на которой происходили бои, представляла собой болотистую равнину с некоторыми возвышениями. Ежедневные дожди превратили каждую низину в труднопроходимое место. Приходилось совершать переходы, передвигаясь целый день по колено в воде».

Александр Мгебров имел запоминающуюся внешность: высокий, худой, с резкими чертами лица; длинные волосы оттеняли его огромный лоб, большие черные глаза. Природа, казалось, создала его для изображения на сцене шекспировских страстей: подвижного, как ртуть, всегда готового произнести возвышенный монолог в стихах или прозе, громко кипящего, как вулкан перед извержением.

Духовное горение, постоянное желание заразить высоким пламенем искусства всех сидящих в зале, бескомпромиссная любовь к театру, как выразителю самых высоких ценностей человеческой души, — вот главные черты, характеризующие Мгеброва-актера.

Не менее удивительна и биография Мгеброва. Отец и мать его — армяне. Когда-то, в очень давние времена, жило на Кавказе племя гебров-огнепоклонников, выходцев из Персии. Прабабушка и бабушка

Мгеброва строго соблюдали обряды этого племени. Александр вырос в военной среде: в начале века его отец Авель Иванович уже был генералом. Мать внесла в семью артистический дух. Она была дочерью профессиональной актрисы, окончила Парижскую консерваторию, успешно дебютировала в Мариинском театре и оставила сцену только по настоянию мужа. Эти два начала переплелись в жизни Мгеброва.

В 1904 году он окончил Михайловское артиллерийское училище и начал военную службу в Зеграже — крепости близ Варшавы, а вскоре стал артистом. Еще в училище сблизился с революционно настроенной молодежью. Идея освобождения всех угнетенных захватила его целиком.

В январе 1905 года артиллерийский подпоручик Мгебров был в Петербурге. В то воскресное утро он выбежал на улицу, нанял извозчика: «Езжай куда угодно!» У сфинксов напротив Академии художеств

291

Под Пулковом и Царским Селом, где были сосредоточены основные силы защитников Петрограда, 28—30 октября шли тяжелые бои. Наступавшие белогвардейские части поддерживала артиллерия и бронепоезд. Мятежники полагали, что революционные войска не смогут выдержать такого натиска. Но яростные атаки противника разбивались о стойкость красных бойцов. Враг был остановлен и разбит. Авантюра мятежных генералов не удалась.

После разгрома контрреволюционных войск рабочие завода «Новый Леснер» разыскивали тела павших товарищей. Многие рабочие высказали желание похоронить погибших обязательно на Выборгской стороне. Окончательно этот вопрос был решен в Смольном. По предложению А. В. Луначарского местом захоронения избрали парк Лесного института. Братскую могилу назвали Октябрьской.

...Их хоронили 19 ноября. Штаб Красной гвар-

дии Выборгского района отдал всем заводским отрядам приказ: прибыть в день похорон к 9 часам утра к детской больнице на Сампсониевском проспекте (ныне пр. Карла Маркса) «для выноса тел убитых жертв в борьбе с контрреволюцией в полной боевой форме, с винтовками, под командой своих начальников».

Тысячи трудящихся пришли проводить в последний путь погибших товарищей. Поток людей казался бесконечным.

путь преградили войска, направлявшиеся к Дворцовой площади. Александр вскочил на сиденье, закричал: «Не смейте стрелять в народ!» Он был в таком возбуждении, что плохо помнил, как пристал к колонне рабочих, как добрался до Певческого моста через Мойку, ведущего на Дворцовую площадь. Там уже гремели выстрелы, навстречу валила обезумевшая толпа. Кто-то падал, кого-то топтали. Никогда еще внутренний протест молодого Мгеброва не достигал такой силы. Он взобрался на тумбу и впервые в жизни произнес: «Долой самодержавие!» Вернувшись в Зегрж, Мгебров заболел нервным расстройством. Его перевели в Петербург и вскоре дали отпуск для лечения. Он уехал в Швецию и Норвегию, а после возвращения в столицу, уже осенью, вынужден был отправиться долечиваться на Кавказ. В Тифлисе он много раз выступал на нелегальных собраниях,

его страстные речи оказывали сильное воздействие на слушателей.

Когда пребывание в Тифлисе стало небезопасным, Мгебров переехал в Батум. Выступая перед солдатской массой, он рассказывал правду о Кровавом воскресенье в Петербурге.

В ноябре 1905 года в Батуме пьяные казаки зверски убили на базаре несколько безоружных рабочих, а тех, кого им сразу не удалось добить, тут же, на базаре, среди бела дня истязали, прежде чем прикончить.

И тогда Мгебров решился на отчаянный поступок. Чтобы остановить расправу карателей, он вывел из казармы на помощь восставшим роту минеров. За это ему грозила смертная казнь. При попытке выехать в Севастополь он был арестован, препровожден в Тифлис на гауптвахту. Его спас отец — военный инженер, видный генерал, приложивший все силы, чтобы вырвать сына из рук палачей.

Колонну каждого предприятия возглавлял его отряд Красной гвардии, в рядах которого шли участники недавних боев. Никогда прежде старый парк Лесного института не видел такой массы людей.

Подле раскрытой могилы поставили 14 гробов, над которыми склонили знамена. Суровы были лица рабочих, солдат, матросов. В прощальных речах звучали клятвы защищать рабоче-крестьянскую власть, не щадя своей жизни так же, как не щадили

ее они. Героев опускали в землю под оружейные залпы. Над могилой поднялся холм свежей земли. Его покрыли множеством венков. Кто-то громко запел «Вы жертвою пали...». Сотни голосов подхватили песню. Торжественно поплыла над толпой печальная мелодия.

Время не сохранило имен всех, кто был похоронен в братской могиле в тот день. Известны имена лишь девяти солдат революции, вот они: Петр Алексеев, Яков Бабков,

Андрей Богданов, Алексей Глазунов, Алексей Дмитриев, Иван Кузнецов, Петр Кузьмин, Алексей Поляков — рабочие завода «Новый Лесснер», Иван Гайбах — рабочий завода Сименс и Гальске.

К середине 1918 года Советская страна была охвачена огненным кольцом фронтов. Ожесточенные бои с интервентами и белогвардейцами шли на севере и юге, на западе и востоке.

Перенесенное заболевание помогло избежать немедленного суда, но угроза страшного наказания долго еще висела над Мгебровым. Военную службу пришлось оставить.

В 1906 году Мгебров вновь оказался в Норвегии. Поступил вольнослушателем университета в Христиании. Здесь он встретился со знаменитым русским актером Павлом Николаевичем Орленевым, который, возвращаясь на родину после гастролей в Америке, проезжал через Норвегию. В воспоминаниях Орленева есть короткая запись о встрече с Мгебровым: «Молодой человек, необыкновенно привлекательный, с длинными вьющимися волосами, изящным лицом и горящими глазами, сразу произвел на меня чарующее впечатление». Они сблизились, общность их взглядов на искусство помогла этому. Мечтали вместе создать первый в России крестьянский театр. После возвращения в Россию Мгебров выступал в труппе Орлене-

ва, в Московском Художественном, в театре Комиссаржевской. В 1912 году его пригласили в Старинный театр, организованный Н. Н. Евреиновым и Н. В. Дризенем в Петербурге. С блеском сыграл он роль Патрика в «Чистилище святого Патрика» Кальдерона. Здесь он встретил молодую актрису Викторину Чекан, которая вскоре стала его женой.

Только в 1913 году тучи над головой Мгеброва стали рассеиваться. Давнее судебное дело против него было наконец завершено, вынесен приговор: ссылка на вечное поселение с лишением всех прав состояния. Снова в события вмешался отец. Ему удалось, используя свои связи, добиться, чтобы сына оставили на свободе. Однако свобода эта оказалась горькой, путь в театр в царской России для Мгеброва был закрыт. Тогда молодые супруги отправились в Финляндию, в Териоки.

293

В эти тяжелые для Советской страны дни много сил защите отечества отдали моряки военного Балтийского флота. Специально созданные экспедиционные отряды моряков сражались на всех фронтах гражданской войны. На Северный фронт против англо-французских интервентов и сил внутренней контрреволюции был направлен Второй экспедиционный отряд балтийцев.

Строки пожелтевших от времени архивных документов рассказывают о тя-

желых испытаниях, выпавших на долю этого отряда, о патриотизме и мужестве моряков. Отряд был направлен в Обозерский боевой район. Прибыв на станцию Обозерская 7 августа, матросы сразу же заняли боевые позиции и уже через несколько часов приняли бой с неприятелем. По словам очевидцев, он продолжался несколько дней, прерываясь лишь с наступлением темноты до рассвета. В боевых донесениях главному Балтфлота И. П. Флеровскому

комиссар отряда К. М. Витсунт сообщал о том, что морякам приходилось отражать нападения врага, во много раз превосходящего их по военной технике. «Неприятель налетами своих гидропланов и набегами бронированных поездов не дает нам покоя ни днем, ни ночью, — говорится в одном из донесений. — У нас аэропланов нет, Зенитные орудия без дальномеров и угломеров, прислуга неопытная, делает промах на несколько верст... Люди измучены, —

* * *

1 августа 1913 года в поселке Териоки в семье Мгебровых родился сын, записанный в метрике Иоанном. Дома его ласково называли Котей. Александр Мгебров писал в своих воспоминаниях, что в это время он очутился на краю нищеты. Надо было возвращаться в Петербург. В чемоданчик на душистое сено, как на матрасик, уложили младенца, собрали нехитрые актерские пожитки и уехали в Петербург.

На Теряевой улице, в доме 11, Мгеброву удалось снять холодную мансарду, жилище поудобнее было не по карману. С помощью друзей раздобыли мебель. Любовь Дмитриевна Блок, жена поэта, принесла подушки, свивальники, пеленки — приданое для ее сына Мити, умершего на восьмом дне жизни несколько лет назад.

Блоки хорошо знали и искренне любили Мгеброва. Знаменитый поэт в своих дневниках часто вспоминает

о встречах с ним и Чекан. «Игра Мгеброва и очень красивые ноты в голосе Чекан... Они интересны оба». Запись от 17 апреля 1913 года — короткая, тревожная: «В газетах — известие об аресте Мгеброва».

Первая зима, 1913/14 года, в Петербурге для Мгебровых была трудной. Они по-прежнему нуждались, жили впроголодь. Ни один театр не брал их на службу. Люди, окружавшие отца-генерала, смотрели на них, как на зачумленных, сам приговор произвел на родных удручающее впечатление. Тем не менее зима того же года запомнилась радостной, светлой.

Мгебров и Чекан с большим энтузиазмом принялись за организацию самостоятельного театра, готовили постановку «Зеленого попугая» Артура Шницлера. Но осуществить замысел не удалось: в последний момент, уже перед публичным представлением, «Зеленого попугая» не

пишет комиссар, — но мы... оставили свои корабли для того, чтобы сражаться против каких бы то ни было врагов трудового народа, и заявляем, что готовы до последней возможности держать занятые нами позиции...»

В последних числах августа в Петроград с фронта доставили тела павших в боях моряков — Владимира Шарапова с крейсера «Олег», Алексея Федорова с линкора «Гангут» и Константина Смирнова — матроса берегового отряда.

Похоронить их решили в Октябрьской братской могиле. Похороны моряков (кроме К. Смирнова, похороненного родителями) состоялись 30 августа. Траурная процессия двинулась от Морского госпиталя (у Калинкина моста) и шла через весь город, направляясь к парку Лесного института. К процессии, во главе которой шли военные моряки, присоединялись трудящиеся всех районов Петрограда.

В день похорон был злодейски убит эсерами

М. С. Урицкий, видный партийный и государственный деятель. Это вызвало гнев и возмущение трудовых людей, всех тех, кто был на стороне революции.

На траурном митинге в парке звучали пламенные призывы к решительной и беспощадной борьбе против любых врагов, посягающих на Советское государство. «Вы героически пали в борьбе, но вместо павших встанут за власть Советов тысячи новых героев. Судьба рево-

разрешили показывать. Тогда, воспользовавшись удачным случаем, с помощью друзей супруги временно обосновались в театре на Обводном канале. Вокруг был рабочий район, спектакли предназначались главным образом рабочей публике. Для первого вечера наметили «Электру» Гуго Гофмансталя и «Каменного гостя» Александра Пушкина. Ставил спектакль Мгебров.

Какая бы идея ни захватывала Мгебровых, они все делали сообща. Их мансарда мгновенно превращалась то в репетиционный зал, то в декораторскую, то в швейный цех костюмерной.

Маленький Котя с младенческих лет дышал воздухом театра. Еще не встав твердыми ногами на пол, он видел из кровати раскрытые пестрые ткани, ощущал запах полотна и краски, слышал декламацию. Возвышенная поэзия Шекспира и Шиллера заменяла ему сказки.

В 1917 году Мгебровы жили на Васильевском острове. В маленькой двухкомнатной квартирке на 14-й линии, в доме 74, у Горного института, так же как и в прошлые годы, собирались артисты и литераторы. Мгебров вспоминал, что вместе с Чекан, Федором Сологубом и Алексеем Чапыгиным они часто выезжали в пролетарские районы и устраивали в рабочих клубах литературные вечера, концерты, пока однажды не забрел к ним на огонек бывший актер Старинного театра, их давний знакомый Степной:

— Слушайте, Мгебровы! Идемте-ка работать на завод! Я сейчас руковожу рабочим театром на Балтийском заводе. Но вам это ближе...

Предложение Степного было как нельзя более кстати.

«Мы с Чекан не задумываясь ринулись на работу, — вспоминал А. А. Мгебров в своей книге «Жизнь

295

люции останется в надежных, крепких руках».

Среди отдельных захоронений возле Октябрьской братской могилы находится могила прославленного героя гражданской войны Павлина Федоровича Виноградова (1890—1918), погибшего на Северном фронте. Это был человек, беззаветно преданный Родине, подлинный патриот. Он прожил короткую, но яркую жизнь, до конца отданную революции. Еще

в 1912 году, призванный на военную службу, Павлин Виноградов отказался принять присягу. Начальство заметило, что среди выстроенного для принесения военной присяги полка один из солдат стоит молча, не повторяя слова за офицером. На вопрос: «Почему молчишь?» — он ответил взволнованно, но твердо, что слова присяги для него неприемлемы, так как по своим убеждениям он готов служить отечеству, но не может приносить клят-

ву в верности царю. Это был П. Виноградов. За отказ от присяги и обвинение в революционной пропаганде среди солдат его осудили на 8 лет.

Вначале Павлин Виноградов был заключен в Шлиссельбургскую крепость, а затем отправлен на каторгу в Сибирь, в Александровский централ, откуда его освободила Февральская революция. Вернувшись в Петроград, П. Ф. Виноградов принимал участие в разгроме корниловщины, а в Ок-

в театре». — Итак, наконец-то после долгого перерыва, я дорвался до театра. И какого! Это был замечательный театр. Это был подлинно первый рабочий театр, который я встретил на своем пути, как великодушную мечту о грядущем, как упоительную радость стихийного творчества масс».

Далее Александр Авельевич пишет: «Здесь было много талантливой и своеобразной рабочей молодежи... Во главе театра стоял, как представитель культкомиссии завода, рабочий Георгий Павлович Назаров... Вспоминаются: Дроздов, тогдашний наш суфлер, впоследствии один из первых организаторов Красной гвардии, рабочий Титов, также показавший себя во время гражданской войны крупным командиром, Елисеев — впоследствии талантливый актер Героического театра... Все они были самородками.. Они быстро развернулись, как только жизнь дала им эту возможность».

Мгебровы всей душой приветствовали Советскую власть и одними из первых среди художественной интеллигенции Петрограда пришли к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому с просьбой использовать их на пропагандистской работе. Анатолий Васильевич пригласил Мгеброва и Чекан сотрудничать. «Нам нужны живые люди, энтузиасты», — сказал он.

Создав театральную студию, Мгебров и Чекан выступали с концертами, выезжали на фронт, не считаясь с лишениями, невзирая на транспортные неурядицы: в телеге, в теплушке или просто пешком передвигались от одной концертной площадки к другой. Вихрь событий захватил их целиком.

«В день, когда обнаружилось наступление немцев на Петроград, — писал Мгебров, — у нас в театре шел спектакль «Электра», после спектакля я выступал в инсценированном мною стихотворении Эмиля

тябрьские дни штурмовал Зимний дворец.

В феврале 1918 года Виноградов был направлен в Архангельскую губернию для организации продовольственной помощи голодающему Петрограду. В сложной и трудной обстановке того времени он сумел отправить в Петроград десять тысяч пудов хлеба. Находясь на посту заместителя председателя Архангельского губисполкома, Виноградов участвовал в подавлении кулацко-

го мятежа в Шенкурском уезде.

Летом 1918 года ему пришлось защищать советский Север от иностранных интервентов. В это время с особой силой проявились его замечательные качества командира, способного вести за собой массы. Не имея военного образования и опыта военной службы, Виноградов оказался талантливым военачальником, блестяще руководил действиями организованных им красных отрядов в Северодвинской

флотилии. В газетах того времени отмечалось, что продвижение англо-французов к Котласу было остановлено в значительной мере благодаря колоссальной энергии, организаторскому таланту и отваге П. Виноградова, являвшего собой пример революционной стойкости и героизма.

8 сентября во время боев в устье реки Вага П. Ф. Виноградов был смертельно ранен осколком шрапнели. О его геройской гибели сообщила «Правда»

Верхарна «Восстание»... Вдруг раздался длинный заводской гудок, подобный тому, какой бывает во время тревоги. Я уже был на сцене с факелом в руках, освещенный заревом, в костюме символического рабочего с баррикад... как с почти молниеносной быстротой зал наполнился до отказа... По окончании концерта в зале некоторое время царила совершеннейшая тишина, несмотря на массу людей. Ждали оратора. И вот взмошел на сцену очень скромный, простой, небольшого роста, совсем малозаметный человек... (впоследствии я узнал, что это был товарищ Володарский). Не повышая голоса, при абсолютном отсутствии какого бы то ни было ораторского пафоса, он сказал буквально следующее: «Товарищи, получено известие, что на наш город наступают немцы... Вы сами понимаете, что надо делать. Сейчас же все, кто желает идти защищать Петроград, запишитесь у столов... Через два часа трамваи от-

сюда отвезут вас на вокзал... У кого есть винтовка — забирайте, у кого нет — получайте!» Вот и вся речь.

...Тотчас же произошло нечто поразительное. Все рабочие, как один, молча, спокойно, деловито потянулись к столам, на которых мгновенно стали составляться огромные списки. Записавшиеся спешили домой, чтобы через два часа собраться снова, здесь же в театре, для отправки прямо на позиции».

В тот день многие актеры ушли в бой.

Вести одна тревожнее другой приходили в Петроград.

Работа в студии с каждым днем становилась все напряженнее.

Особенно запомнилось Мгеброву первомайское представление 1918 года. Все, что создала поэзия революции, явилось составной частью праздничной композиции. Как раз в то время вышла книга стихов поэта Алексея Гастева «Поэзия рабочего удара». Стихи Гастева стали

297

14 сентября 1918 года. В газете говорилось также, что гроб с телом П. Ф. Виноградова отправлен в Петроград и что его товарищи просят воздать ему должные почести за заслуги перед родиной и революцией.

Рядом с Виноградовым похоронен стойкий большевик-ленинец, член РКП(б) с 1905 года, рабочий завода «Светлана» Иван Иванович Орлов (1882—1919). Во время наступления на Петроград Юденича И. И. Орлов ушел

добровольцем на фронт. Находясь в разведке, он попал в плен к белогвардейцам. Враги подвергли его жестоким пыткам и затем зверски убили.

Рядом похоронены:

Константин Арсеньевич Баранов (1888—1922), участник революции 1905 года. Позднее участвовал в боях против Юденича.

Иван Демьянович Ковалев (1879—1935), участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве. В годы граждан-

ской войны сражался в отряде С. М. Буденного.

Никандр Иванович Кокко (1874—1933), член Выборгского райкома партии. В его квартире 8 октября 1917 года конспиративно находился В. И. Ленин.

Более половины столетия отделяет нас от тех героических дней. Много событий пережил наш народ за минувшие годы. Но навсегда сохранится в сердцах людей благодарная память о тех, кто отдал жизнь за лучшее будущее родины.

основой представления. На фоне колес, маховиков, шестерен, созданных на сцене декораторами, молодой рабочий Попов — спокойный и могучий — читал «Мы растем из железа». Стихи других пролетарских поэтов звучали, как хоровая декламация. Второй вечер был посвящен Уолту Уитмену, вступительное слово произнес А. В. Луначарский, который назвал американского поэта «поэтом грядущих коммун». Мгебров отлично прочел стихи Уитмена.

Затем был вечер Владимира Кириллова. Он заканчивался апофеозом, где Свобода разбивала оковы угнетенных, и тогда из зрительного зала поднимались дети, девушки, юноши, шли навстречу тем, кто был по ту сторону рамп, и все сливалось в едином гимне: «Славьте Великое Первое Мая — Праздник Труда и паденья оков. Славьте Великое Первое Мая — Праздник Свободы, весны и цветов!»

Газеты дали восторженные рецензии о праздничных представлениях. Театр приглашали в воинские части, в рабочие клубы. Выступали на площадях и просто в цехах и мастерских, на открытом воздухе за городом, на торжественных митингах и концертах. В Луте вечер Уитмена давали прямо на улице, перед тысячной толпой, без декораций, и светом рамп были закатное солнце.

Самые волнующие, самые яркие спектакли ставились в красноармейских частях. А именно здесь было всего труднее выступать. Иной раз попадали в такую казарму, где не было даже окон, где на площади

в двадцать квадратных сажен теснилось по двести — триста человек. И вот здесь-то устраивали грандиозные вечера памяти Карла Маркса, на которых инсценировалась лирическая драма Шелли «Освобожденный Прометей», требовавшая множества участников.

От первомайских представлений перешли к спектаклям, посвященным первой годовщине Октябрьской революции. Была обстановка удивительного энтузиазма, охватившего народные массы. Страна боролась с интервентами, бандами белогвардейцев, нанося им удар за ударом, чекисты распутывали один за другим заговоры контрреволюционеров, сокрушали преграду за преградой на пути к полному торжеству революционных идеалов. Как воздух, как вода в знойный полдень, необходим был вновь рожденному театру новый репертуар.

Посоветовавшись с А. В. Луначарским, Мгебровы решили поставить спектакль «Взятие Бастилии» по драме Ромена Роллана «14 июля».

Действие происходит в Париже 12—14 июля 1789 года. Сначала в Пале-Рояле, затем — в Сент-Антуанском предместье и, наконец, — в Бастилии, на площади Ратуши. Пьеса эта несла в себе острый заряд высокой революционной романтики, в ней чувствовался накал борьбы. Интересно сегодня прочесть «Беседу с артистом А. А. Мгебровым», помещенную в третьем номере петроградского театрального журнала «Бирюч» за 1918 год: «В нашем

спектакле было занято полтора человека, — сообщал Мгебров. — ...Лучших исполнителей для этой пьесы, чем рабочие, принесшие с собой на сцену свежесть и энтузиазм, я и не желал. Достаточно рекомендует их то, что они справились с Уитменом. Ведь далеко не вся интеллигенция знакома с его произведениями, а они прекрасно поняли, почувствовали его. Он как-то влился, вошел в их душу... Мне представляется наш театр грандиозным дворцом, где сотни людей держат в своих мозолистых руках молот, кующий новые формы искусства!»

Эта романтическая пьеса была не совсем в плане театра Мгеброва, но ее поставили потому, что она принадлежала перу Ромена Роллана, письмо которого к русским революционерам только на днях было напечатано в петроградской газете.

Известно, что Петроградский Совет приглашал Ромена Роллана приехать и посмотреть спектакль. Писатель не смог приехать. Однажды Мгебров дал комиссару воинской части газету с письмом Роллана и попросил его прочесть красноармейцам перед началом представления.

— Товарищи бойцы и командиры! Я прочту вам несколько строк из письма великого писателя Франции Ромена Роллана, автора пьесы, инсценировку которой вы сейчас увидите: «Русские братья наши, творцы великой революции, примите наши поздравления и благодарность... Идите смело вперед. Мы пойдем за вами... Первым делом будьте едины

и сильны духом. Да будет вам поучительным уроком наш пример... Напрягайте все ваши силы, чтобы отстоять дело свободы, которую вы несете миру... Помните, русские братья наши, что вы боретесь не только за себя, но и за нас. Наши отцы подняли знамя революции в 1792 году, чтобы дать миру свободу. Это им не удалось. Быть может, они не были достаточно подготовлены для этой задачи. Но их одушевляло благородное пламенное желание. И этот чудесный огонь пускай горит и в ваших сердцах».

Такое живое предисловие производило огромное впечатление. И когда со сцены звучала реплика: «Честным людям не остается ничего другого, как взяться за оружие», красноармейцы, сидевшие в зале, относили смысл этой реплики к себе. Сильное впечатление производили и слова Марата, брошенные им со сцены в зрительный зал: «Возлюбленный народ, как долго ты страдаль молча! После стольких веков мучений наступил наконец вожделенный час! Свобода принадлежит тебе. Храни же как зеницу ока свое завоевание!»

Спектакль повсеместно имел огромный успех.

Следующей работой театра была пьеса Павла Бессалько «Каменщик». Автор ее — слесарь железнодорожных мастерских, член большевистской партии. В 1919 году был мобилизован на фронт, где редактировал газету XIII армии — «Красный воин». Спустя год в Харькове умер от сыпного тифа.

Отец Коти А. А. Мгебров.

В «Каменщике» автор создал образ нового человека, строителя социалистического общества, который в финале становится символом победы нового класса. Однако именно в этом спектакле, несколько риторичном, условном, явственнее, чем в других, слышались звуки символистских теорий руководителей Пролеткульта. Проповедуя «чистую» пролетарскую культуру, они отрицали использование культурного наследия прошлого, пытались замкнуться в рамках своей, обособленной организации. Но вскоре возникнет новый театр. С присущим ему стремлением откликаться на требования революционной современности, он поставит «Красную правду» Александра Вермишева, содействуя тем самым развитию советской драматургии, утверждению реализма на сцене.

Так начнут воплощаться в жизнь мечты о героическом театре.

...Пока родители Коти Мгеброва-Чекан, увлеченные замыслами создания нового театра, путешествовали от одной концертной эстрады к другой, он подрастал, целиком отданный на попечение няньки Анны Карловны Рандолин, ставшей членом семьи.

А семья была шумная. В короткие часы, когда Мгебровы приходили домой, в квартире становилосьлюдно: споры об искусстве, репетиции, приготовления к спектаклям затягивались далеко за полночь. Если в городе выключали свет, то спорили при свечах и коптилках, а когда кончался керосин, то споры продолжались и в полной темноте.

Котя терпел наравне со взрослыми все тяготы и лишения, выпавшие на долю простых людей того времени. Не всегда было чем накормить ребенка, не хватало теплой одежды. Но общая атмосфера семьи согревала его: здесь господствовали любовь, понимание, доверчивость. Родители разговаривали с ним, как с равным, были терпеливы, ласковы, никогда не бранили и не наказывали. Отец, человек деликатный и внимательный к окружающим, неизменно обращался к сыну-малютке со словами «мой друг» или «дружочек». Естественно, за этим следовало не приказание сделать то-то, а просьба: «прошу тебя». У мальчика очень рано проявились творческие способности. Он любил рисовать, читать стихи, — память у него была изумительная. Стихи, которые ему нравились, он запоминал буквально на

лету. Однажды родители обнаружили, к своему удивлению, что Котя хорошо читает стихотворение Александра Блока: «Петроградское небо мутилось дождем, на войну уходил эшелон...»

Оказалось, что он хорошо знает и стихи Уолта Уитмена, которые часто слышал во время репетиций. В то время, правда, родители этому не придали особого значения, больше думали о том, как бы накормить мальчика. А с продовольствием с каждым днем становилось все хуже. Пожелтевшие газетные листы голодного 1918 года говорят нам сегодня: норма выдачи хлеба по карточкам в Петрограде упала до четверти фунта в день, то есть до ста граммов. Так называемый «приварок» был в виде похлебки из селедки или воблы. Зачастую и этот мизерный паек своевременно не выдавался.

На страницах «Петроградской правды» можно было прочесть сообщение: «Доводится до сведения граждан Адмиралтейского района, что при Совете рабочих и красноармейских депутатов (Морская, 64) в мае месяце будет выдаваться бесплатно по три банки сгущенного молока детям от 6 месяцев до 3 лет, родители которых находятся без работы».

Сегодня невольно вспоминаются строки стихотворения Александра Прокофьева о тех днях: «У нас выпадали зубы с полуторного пайка...» Красноармейцы получали больше других, но и у них выпадали зубы от цинги и дистрофии. Петроград

был отрезан от многих хлебных районов страны.

В сентябре 1918 года, после голодного лета, «Петроградская правда» сообщила, что из каждого пуда хлеба, добытого продовольственными отрядами, один фунт будет выделяться голодающим детям города.

С наступлением осенних холодов положение ухудшилось, из-за отсутствия топлива остановилось движение поездов на многих направлениях, прекратился подвоз продовольствия и, конечно, дров, а это означало, что к мукам голода прибавились и муки холода. Котя замерзал в нетопленной квартире на Васильевском острове. Нужно было срочно найти выход. Котю перевезли в здание театра, поселили его вместе с няней в бутафорской, но и там мальчику жилось несладко. Помещение не отапливалось, свет подавали нерегулярно и выключали для экономии рано, но все же внизу, в подвале, день и ночь кипела вода в кипятильнике, там топились большая плита, у которой блаженствовали по вечерам все намерзшие за день актеры. Под бутафорскую была отведена огромная комната, на одной ее стороне, под самым потолком, была большая ниша, где хранились декорации. Там, зарывшись в пыльные портьеры, спал Котя. Особое удовольствие доставляло ему наблюдать из ниши, как идут на сцене репетиции пьесы «Взятие Бастилии».

Подготовка к спектаклю шла днем и ночью. Мгебров и Чекан, забыв про сон и отдых, работали со студийцами. Кому-то пришла в голову

мысль занять в спектакле маленького Котю. В пьесе нашлась для него подходящая роль — парижского мальчугана, который въезжает на сцену на плечах отца — здоровенного носильщика — и восторженно, с детской непосредственностью, подает острые реплики.

...Идет эпизод в королевском саду Пале-Рояль, где парижане судят аристократов. Появляется носильщик с сыном на плечах. Мальчик взволнованно восклицает:

— Долой аристократов, аристокривляк, аристокровопийц!

— Внимайте голосу народа, — вторит ему отец-носильщик. — К чему мы присудим д'Артуа?

— К железному ошейнику!

— А Полиньячиху?

— К порке!

— А Кондэ?

— К виселице!

— А королеву?

— Отправим в кабак!

302

Котя тонко чувствовал ритм спектакля и сразу же стал равноправным его участником. Публика всегда встречала эту сцену бурными аплодисментами.

Мгебров был вдвойне доволен маленьким актером: как отец и как режиссер.

Так произошло боевое крещение Коти, он и сам не заметил, как прикнул к беспокойному племени актеров.

Отгремели оркестрами и многоголосым говором демонстрантов ноябрьские торжества восемнадцатого

года в Петрограде — первые после революции.

На смену праздникам пришли суровые будни.

Опустели улицы, опустели нетопленные концертные и театральные залы. Один за другим уходили на фронт актеры. Сперва ушли молодые хористы, за ними оркестранты. Как вспоминает Мгебров, «возникали новые и новые фронты и вырывали из наших рядов огромное количество молодежи. Да и мы сами уже мысленно держали в руках винтовки. Впрочем, не только мысленно».

За несколько дней до Нового года театральная труппа, наскоро погрузившись на солдатские сани и в потрепанный грузовик, выехала на Западный фронт.

Вместе со всеми, закутанный в овечью шкуру, отправился на фронт и маленький артист Котя Мгебров. Было ему тогда неполных шесть лет.

Глухо выла метель, наметая на дорогах сугробы в рост человека. Плохо кормленные лошади с трудом пробивались вперед. Грузовик с декорациями осторожно двигался позади обоза, буксуя по снегу. Сквозь протяжный вой метели доносились только отчаянная ругань возниц, тяжкий храп лошадей да сердитое пофыркивание грузовика.

Котя уютно устроился на сене в санях. Закутанный до бровей в тулуп, он ничего не видел во мгле северной ночи. Иногда из-за быстро бегущих по небу туч выплывала бледная, еле заметная в снежной круговерти луна. Глаза Коти слипались, он на мгновение засыпал и

тотчас просыпался. Виктория Владимировна бережно закутывала сына и напентывала про себя слова роли из пьесы «Каменщик»: «Ко мне, ко мне, подружки славные, пойдем вперед, заботясь лишь об общем благе».

Затем она начала читать стихи Блока: «Разыгралась чтой-то вьюга, ой, вьюга, ой, вьюга! Не видать совсем друг друга за четыре за шага! И вьюга, казалось, подпевала ей протяжно и тонко. Метель налетала порывами, засыпая возницу и лошадей тяжелыми хлопьями снега.

Ехали долго. Останавливались. В деревнях покупали молоко. Крестьяне отказывались брать деньги. К счастью, у Мгеброва была подаренная кронштадтскими матросами зажигалка — отдали ее за кувшин молока. В придачу получили несколько черных лепешек из картошки. Позавтракали на славу.

Уже на пути к Пскову им повстречался конный разъезд красноармейцев, проверявших документы. Фронт был еще далеко, но, по словам красноармейца, на дороге пошаливали зеленые — так называли тогда бандитские шайки дезертиров. Посоветовал винтовки держать наготове.

Псков встретил артистов ярким солнцем. Проезжая мимо базара, увидели у торговки аппетитные белые булки, цены оказались астрономическими, но все же белый хлеб — редкость. В голодном Петрограде такого давно не было.

По улицам города маршировали батальоны новобранцев: кто в шине-

лях, кто в засаленных полушубках, на ногах рваные сапоги да лапти.

Впереди мобилизованных — духовой оркестр и барабанщики.

На заборах и дверях домов еще висели приказы немецких комендантов на русском и немецком языках. Кое-где на обрывках бумаги виднелся хищный орел с горбатым клювом — герб недавно ушедших оккупантов.

О тех временах вспоминает Виктория Чекан: «Вечером следующего дня в городском театре был дан первый спектакль «Взятие Бастилии», собравший псковичей и части Красной Армии. После пьесы дали концерт, который также имел успех. Все вместе пели «Смело, товарищи» и в заключение — «Интернационал». На второй день шли «Каменщик» и «Восстание». Новый год встретили в Пскове, в столовой городской бедноты...»

Как всегда, появление Коти в спектакле и звонкие его реплики вызывали бурные рукоплескания. Котя держался на сцене непринужденно, как заправский актер, раскланивался и тем вызывал новую волну аплодисментов.

Вскоре театр выступал в маленьком городке Валке. Здесь публика была другой. Горожане не знали голода, больше всего боялись войны, слушали вежливо, соблюдали порядок. Но вдруг в задних рядах возник шум, распахнулись двери запасного выхода, и вооруженные люди в кожаных куртках преградили кому-то выход.

— Предъявите документы! — прогремело под сводами театра.

Спектакль пришлось прервать, правда ненадолго. Минуты не прошло, как чекисты вывели двух арестованных. Потом комендант города сообщил артистам, что в тот вечер были арестованы белые разведчики, которые прибыли из-за линии фронта, чтобы подготовить восстание в тылу советских войск.

В Юрьеве (ныне город Тарту) положение было еще более напряженным. Неумолимо приближались войска белых. Тревожно стало на спектаклях. Комендант города предупредил Мгеброва, что нужно скорее уезжать, так как Юрьев находится в зоне обстрела. Из зала кричали артистам, что скоро расправятся с ними. Срочно погрузились в вагоны, но уехать не смогли — не было паровоза.

«Между тем бой приближался, — вспоминает Чекап, — начала рваться шрапнель. Нам стали выдавать винтовки и патроны. Наконец нашли паровоз, состав прицепили. Около вокзала показалась конница, привезли подбитую в бою пушку, железнодорожники стали торопиться с отъездом, так как разнесся слух, что белые перерезали дороги. Длиннейший состав медленно двинулся. Опасность осознали только тогда, когда поезд уже мчался по направлению к Риге. Первое наше выступление в Риге обыватели встретили враждебно, но мы не пали духом и целую неделю выступали на митингах и концертах, с успехом показывая полную программу. 9 января вся

наша труппа участвовала в шествии трудящихся Риги с плакатами: «Да здравствует всемирная революция!»

В последний день пребывания в Риге был устроен митинг-концерт, который собрал несколько тысяч человек... Пели без конца, пели на латышском и русском. Артисты сошли с эстрады на площадь в публику, а публика поднялась на сцену. Это был истинно пролетарский праздник».

«...Мы вернулись в Петроград, — продолжает Чекап, — в начале февраля 1919 года и направились на Малую Садовую, 2. На подводах везли плакаты, бутафорию. За зиму Петроград обезлюдел, улицы были по пояс занесены снегом. Холод, голод, эпидемии свирепствовали в городе.

Так закончилась наша первая поездка на Западный фронт, за ней последовали другие. Мы стали настоящим фронтовым театром».

Когда после приезда все снова собрались у постоянного места сбора — теплой плиты, Котя был в буденовке, через плечо повешена полевая сумка, набитая пустыми гильзами от патронов. Он сильно вырос, возмужал, а поношенная буденовка, непомерно большая, делала его взрослее.

Только здесь заметил Котя, как мало осталось знакомых лиц. Молодые ушли на фронт, те, кто постарше, болели, многие умерли от голода, тифа, некоторые лежали на кой-

ках, не в силах подняться от слабости.

Сразу же по возвращении театр начал репетиции: решили ставить пьесу красноармейца, писателя-самоучки, сына крестьянина из Костромской губернии Петра Козлова — «Легенда о коммунаре». В ней в образах-символах рисовалась борьба классов.

«Как-то раз зашел я в военный комиссариат, — вспоминал Мгебров, — ко мне подошел красноармеец и робко протянул рукопись, попросив прочитать. Я обещал сделать это и, когда вернулся домой, сел за пьесу. Но, усталый, скоро отложил ее в сторону. Лишь позднее снова вернулся к ней и только тогда понял, что именно это нам и нужно... В аллегорической форме в ней рассказывалось о победе коммунистических идеалов».

Пьеса была поставлена 1 мая 1919 года. С этого дня Котя Мгебров-Чекан официально был зачислен в штат в качестве актера. Он изображал маленького коммунара. Котя быстро освоился с ролью, а когда было нужно, вполне осмысленно импровизировал реплики по ходу пьесы. Они были коротки, но выразительны.

— Мама, дай мне хлеба! — просил он, и его ясный голосок высекал слезы из глаз зрителей.

— Товарищ, покажи мне коммунара, я хочу его видеть!

Непосредственность маленького артиста многократно усиливала воздействие на слушающих.

— Мама, когда я вырасту большой, я тоже буду коммунаром!

Маленький артист Котя Мгебров-Чекан. 305

Все, кто помнит этот спектакль, утверждают, что участие Коти в нем бесспорно украшало представление. Виктория Чекан играла в пьесе три роли: Мысль, вооруженную мечом знания, Счастье, окруженное венками и гирляндами, Освобожденную женщину труда (в начале пьесы эта роль воплощалась в образе Изнуренной женщины), с серпом в руках, радостную, в светлой тунике.

Часто Мгеброву и Чекан приходилось выступать перед началом спектакля с кратким словом «О

текущем моменте». Грань между митингом и спектаклем стиралась. Это тоже было знаменем того времени. Политика и война властно врываются в искусство.

Весна 1919 года принесла питерцам новые испытания. Вооруженные банды Юденича перешли в наступление на Нарвском направлении, пересекли эстонскую границу и вторглись в районы Нарвы, Ямбурга, Пскова.

Труппа снова выехала на фронт, который проходил тогда уже где-то под Гатчиной. Театр выступал буквально под аккомпанемент оружейной канонады. Опасаясь нападения врага, командование в Красном Селе приказало специальному эскадрону кавалерии охранять театр и зрителей.

Котя уже не собирал в сумку пустые гильзы от винтовочных патронов. Война была горькой действительностью: в труппе появились первые раненые. Опасность подстерегала актеров на каждом шагу. По ночам в деревнях, где останавливались на ночлег, гремели выстрелы, шальные снаряды с гулом и свистом пролетали над головами, взрывались поблизости, сотрясая деревенские хибарки. Непокойно было и на самих спектаклях. То и дело в зрительный зал вторгались запыхавшиеся вестовые и взволнованно кричали: «Комиссара — в штаб на главный провод!» Или: «Красноармейцам таким-то вернуться срочно в казармы!» А то и просто: «По случаю воздушной тревоги представление прерывается, присутствующим разойтись

по укрытиям». Проходил час или два, пока звучал сигнал об окончании воздушной тревоги. И спектакль продолжался. Снова гремели аплодисменты актерам, постановщикам и, как всегда, особенно горячие — маленькому артисту Коте.

Именно в те горячие дни, в короткий промежуток между боями, в театр пришел в запыленных кирзовых сапогах и вылинявшей гимнастерке военком Александр Вермишев и, смущаясь, вручил Мгеброву свернутую трубочкой тетрадку.

— Вот здесь, товарищ режиссер, — сказал он, — моя пьеса, посмотрите ее, может быть пригодится...

Вермишев сразу же ушел, не дожидаясь ответа. Мгебров прочел пьесу только ночью. Пьеса понравилась. Утром собрали труппу, прочли рукопись вслух, распределили роли и вскоре начали репетировать. Чем больше репетировали, тем больше нравилось содержание пьесы «Красные и белые». Автор угадал самое главное в настроениях бойцов: веру в победу. Так написать мог только участник событий. Позднее все с горечью узнали, что Вермишев попал в плен к белогвардейцам и был зверски убит. Его пьеса, впервые поставленная Мгебровым, получила впоследствии всеобщее признание и стала известной под названием «Красная правда».

В июле враг был отброшен от стен Петрограда.

Подвиг рабочих, моряков, красноармейцев, которые выстояли в борьбе с английскими танками и крейсе-

рами, курсировавшими в Финском заливе, только сейчас осознавался в полную силу.

К тому времени труппа выросла и выделилась в самостоятельный театр. Рожденный в июле 1919 года, он получил название: Первый рабочий революционный героический театр. Вскоре его стали называть короче и проще: Героический театр. Героическое дело требовало героического слова.

* * *

В Гатчине, где в это время гастролировал Героический театр, состоялось его первое организационное собрание. На нем возник спор о репертуаре: что ставить? Пора от аллегорических абстракций, образов-символов переходить к изображению людей нового мира, живых, полнокровных.

Все понимали: найти такой репертуар нелегко. Да и есть ли такой драматург, который может создать пьесу, достойную своего времени?

Полученная от Вермишева пьеса в чем-то отвечала этим высоким требованиям, значит с нее и нужно начинать.

Репетиции «Красной правды» шли полным ходом, когда в казарму, где расположился театр, пришло известие: командование предлагает дать несколько спектаклей в Сиверской для воинских частей и населения. Стали собираться в дорогу. Но вот неудача: заболел Котя. Сперва думали, что простудился после купания. Позвали военного врача. Диагноз оказался неутешительным: корь.

Температура к вечеру подскочила до сорока. Виктория Владимировна закутала мальчика в куски походного занавеса, которые театр на всякий случай всегда возил с собой, и поехала в Сиверскую. На следующий день предполагалось показать в местном деревянном театре спектакль «Взятие Бастилии».

Редко болевший до этого, Котя очень страдал, метался, бредил.

Встревоженная мать подумала: может быть, врач ошибся, у мальчика не корь, а тиф? К счастью, все обошлось. После дороги весь день Котя спал, а проснувшись громко спросил:

— Мама, а кто будет вместо меня сегодня играть?

От неожиданности Виктория Владимировна вздрогнула. Она еще не знала, кем заменить Котю.

Мальчик сам нашел выход:

— Пусть играет Алик, он знает мою роль наизусть.

Чекан невольно улыбнулась: мальчик беспокоится о судьбе спектакля, значит, ему лучше, значит, все самое тяжелое позади.

Алик — сын музыканта, сверстник Коти, тоже ездил с отцом туда, куда посылали труппу. Он, по-видимому, завидовал своему другу, выступавшему на сцене. А выучил роль Коти он потому, что ни разу не пропустил ни одного спектакля.

Чекан протянула сыну кружку клюквенного морса, заставила его выпить.

— Ты прав, дружок, я скажу папе, чтобы он прорепетировал твою роль с Аликом.

Спектакль состоялся.

Котя до глубокой ночи не спал, ждал возвращения родителей из театра.

Узнав, что Алик не запутался, удовлетворенно вздохнул и сразу же задремал.

Через несколько дней мальчики уже вместе ловили окуньков на самодельные удочки в быстро текущем Оредеже.

Болезнь была забыта. Впереди поездка в Кронштадт, город моряков, таинственный и зовущий, большие корабли на рейде, огромные пушки, бросающие снаряды величиной в рост человека на расстояние тридцать верст.

И ехать туда предстояло через Ораниенбаум на большом буксирном катере.

Александр Авельевич Мгебров в конце июля был утвержден художественным руководителем Героического театра. Его коллектив состоял из 150 человек — актеров, хористов, танцоров, музыкантов, художников-декораторов.

Красноармейцы любили свой театр. В адрес Мгеброва приходило много писем, благодарностей. В книге своих воспоминаний он приводил некоторые из них: «Военная секция Красногородского Совета, отражая настроение товарищей красноармейцев, выражает горячую благодарность вдохновителям-борцам, апостолам социализма, пламенным агитаторам, неутомимым труженикам сцены, учителям понятной, близкой, родной красоты».

Другое письмо — резолюция, принятая на красноармейском митинге, заканчивается такими словами: «Просить Советское правительство наградить французского писателя Ромена Роллана боевым орденом за то, что герои его пьесы «Взятие Бастилии» помогли Красной Армии отстоять дело революции в России».

Такие документы — награда театру и всем тем, кто его создал.

1919 год запомнился артистам, как год сплошных кочевок: Красное Село, Гатчина, Сиверская. Театр прибыл в Сиверскую вскоре после того, как ее оставили белые. Вспоминая об этих днях, А. А. Мгебров называл их фантастическими. Во время одной из боевых тревог, когда все зрители схватились за винтовки и кинулись к выходу, Котя, участвовавший в представлении (шел спектакль «Легенда о коммунаре»), тоже метнулся к выходу, увлеченный общим потоком. Актеры по боевому расписанию уже занимали места в ближних окопах. Они залегли с винтовками в руках, не успев даже снять грим.

Котю у выхода остановил отец:

— Ты останешься здесь, мой друг. Ты будешь охранять знамя коммунара.

И мальчик остался на сцене, он стоял у знамени до тех пор, пока зрители не вернулись в зал.

Эпизод этот хорошо запомнили все участники «Легенды о коммунаре». Котя в спектакле произносил реплику: «Я хочу вырасти коммуна-

ром!» Это было своеобразной клятвой, которую принял маленький артист.

А ведь поначалу, уезжая на фронт, А. А. Мгебров не хотел брать с собой сына. Когда за Александром Авельевичем пришла машина, он увидел, что готовая к отъезду Виктория Владимировна держит за руку одетого в теплое черное пальто Котю.

— Папа, мы едем вместе! — кричал Котя.

Радость мальчика была такой непосредственной, что огорчить его отказом было невозможно. Отец молча поднял сына и посадил в машину.

Когда машина миновала окраины города, Мгебров задумчиво сказал Виктории Чекан:

— Наверно, это правильно. Если человеку посчастливилось родиться в героическое время, он не должен его проспять. — И, помолчав, добавил: — Даже если он еще ребенок.

...А вот и подан буксир, на котором театру предстоит отправиться в Кронштадт. Котя стоял на носу и разглядывал в бинокль очертания Кронштадтского собора, грозные силуэты крейсеров, миноносцев и линкоров. Он уже много знал о кораблях, мечтал увидеть настоящую подводную лодку, гидросамолет, форты. Через несколько минут он будет в осажденном городе.

Английский флот вошел в Финский залив. Англичане обстреливали город-крепость из пулеметов, сбрасывали бомбы.

Часто объявлялась воздушная тревога. Пронзительно звучали сирены на кораблях и в матросских казармах. Стрекотали зенитные пулеметы. С замиранием сердца, притаившись в каком-нибудь подвале или в подъезде каменного дома, следил мальчик за вражескими самолетами.

После отбоя тревоги он гулял по Петровской набережной, в парке, прислушивался к далеким командам с миноносцев и крейсеров, стоявших на рейде. На берегу было слышно, как отбивали склянки на кораблях, отмечая ход времени.

А по вечерам, как всегда, театр показывал спектакли в Матросском клубе. После митингов и собраний давали концерты. Виктория Чекан читала стихи Владимира Кириллова:

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Те, кому были адресованы эти слова, щедро аплодировали актерам, требовали повторить выступление.

18 августа 1919 года интервенты осуществили коварное нападение на Кронштадт. Под покровом темноты на город напали гидросамолеты. Летчикам было приказано обстрелять улицы, завод и стоявшие в гавани корабли. Расчет врагов был прост: сторожевые посты и зенитные батареи сосредоточат внимание на самолетах, ослабят бдительность на море, и тогда в гавань прорвутся катера и торпедируют стоящие у пирса корабли.

Семь быстроходных катеров ворвались в гавань. Артиллеристы эсминца «Гавриил» вовремя заметили стремительно летящие по водной глади катера, дали несколько метких залпов, подбили четыре катера. Однако враги успели торпедировать два корабля: «Память Азова» и «Андрей Первозванный». По тем временам катера двигались с немыслимой скоростью (около 70 километров в час). Но враг, рассчитывавший на беспечность наших бойцов, просчитался. Атака была отбита.

В эту ночь никто не спал в Кронштадте. Не спали и актеры.

О тех днях вспоминает Виктория Чекан: «Дом, где мы остановились, был осыпан градом пуль, а с аэропланов летели в сад бомбы. Мы приняли все меры предосторожности, не зажигали огня, спать не удалось совсем. Когда бомбардировка смолкла, отправились на репетицию. К вечеру уже играли пьесу Александра Вермешева. Котя бегал по площадям и осматривал места недавних попаданий бомб. Иногда было очень страшно за него, но необычные условия жизни и работы отменяли все личное».

Осенью артисты вернулись в Петроград.

Вскоре в распоряжение Героического театра предоставили здание бывшего театра «Палас».

Здание «Паласа», расположенное на Итальянской улице, было холодным и неудобным, хотя кое-что в нем

и сохранилось от шикарных доходных залов: мрамор на стенах, ковровые дорожки на лестницах, роскошные люстры, увешанные хрустальными гирляндами. Правда, ковры замохнаты на сгибах, зеркала покрылись от сырости желтыми разводами. Зато здесь были настоящая сцена, широкий занавес, яма для оркестра.

Начиная с шести вечера в театре было всегда многолюдно.

Вход бесплатный, однако предпочтение отдается зрителям организованным: билеты распределяются по учреждениям заранее.

Репертуар все время обновляется, но «Взятие Бастилии» по-прежнему идет с успехом. Атлетического сложения юноша-коммунар зовет зрителей бороться за свободу и счастье пролетариата. Одетые в белые одежды девушки воспевают Труд. Насмерть бьются красные против белых, и маленький мальчик, с красивыми глазами, крепко ухватившись за древко красного знамени, звонко и вдохновенно читает стихи:

Знамя красное, знамя свободное,
В алых каплях рабочей крови,
Вейся выше за дело народное!
Символ равенства, братства, любви...

Героический театр по-прежнему гастролирует по воинским частям и рабочим клубам. В особо торжественные дни представления даются в знаменитом по выступлениям Шаляпина оперном театре Народного дома.

...Шел 1920 год. Завершалась гражданская война. Жизнь в стране

круто менялась. Уже в январе в Петрограде приказом коменданта отменялось военное положение: опасность нападения белогвардейцев на город миновала. По поводу разгрома Деникина и взятия Красной Армией Ростова-на-Дону 11 января на Дворцовой площади состоялись многолюдная манифестация и парад воинских частей. Демонстранты несли полотнища с новыми лозунгами, они призывали трудовой народ бороться с разрухой, топливным кризисом, восстанавливать промышленность и транспорт. В газетах стали появляться сообщения о театральной жизни города. В «Петроградской правде» извещалось о репертуаре Героического театра: «Впервые 31 марта ставится «Башня Коммуны» — пьеса П. Бессалько в 4-х действиях, 3 апреля — «Парижская коммуна», инсценировка А. Мгебров, 4 апреля — «Сказка о царе ржаного государства», пьеса-опера в 4-х действиях П. Козлова».

Осенью 1919 года Мгебровы переехали с Васильевского острова на Караванную (ныне ул. Толмачева), поближе к театру. Поселились в доме № 14, рядом с цирком. Треугольная площадь со сквером надолго стала местом детских игр Коти.

Расположенная вблизи Невского Манежная площадь в то время была пустынна и безлюдна. Каждую свободную минуту Котя проводил здесь среди сверстников. Здесь Котя по-

знакомился с Аполлоном Садофьевым, сыном известного поэта, стихи которого часто слышал (ныне Аполлон Ильич — профессор, доктор медицинских наук).

Здесь, на Манежной, играли они в красных и белых, и все окрестные мальчишки, которых, казалось, ничем нельзя было удивить, внимательно слушали рассказы Коти о фронте.

Дом, в котором жили Мгебровы, до революции был заселен богатыми людьми — владельцами магазинов, ювелирами, крупными адвокатами. Высокие потолки, огромные комнаты, печи, выложенные красивыми изразцами, мебель, тяжелая и громоздкая, — все напоминало о богатстве, о комфорте. Бывшие хозяева бежали от революции, их квартиры и имущество были реквизированы. Районный Совет выдал ордера на заселение многосемейным рабочим, красноармейцам и краснофлотцам. Мгебровым досталась квартира адвоката. По списку домового комитета новые жильцы приняли на временное хранение его мебель и прочее имущество. Среди передаваемых вещей был рояль Стейнвейна, кленовый гарнитур и бухарский ковер.

Так началась новая жизнь в адвокатских апартаментах.

Наутро после переезда Мгебровых навестили артисты театра. Оттого что квартира находилась на Караванной и была огромной, ее тотчас стали называть караван-сараем. Сюда приходили репетировать, оставались ночевать; когда споры затягивались за полночь, уходили

на кухню: пили чай с сахарином и пайковыми сухарями. В самой большой — сорокаметровой комнате, где стоял рояль, сколотили нечто вроде помоста и с него, как с эстрады, читали стихи, отрывки из пьес. Особенно охотно разыгрывали веселые сценки-импровизации, теперь их называют «капустниками». Дух кочевья, постоянной житейской неустроенности витал и в новой квартире. И когда кто-нибудь замечал «художественный беспорядок» в новом жилище, хозяин торжественно цитировал: «Служенье муз не терпит суеты...»

Дружили Мгебровы с семьей поэта Садофьева. Они жили рядом — из окон квартиры Мгебровых был виден их дом. Котю здесь пригревали. И сейчас еще помнит жена Садофьева, как он врывается к ним, приводя в ужас степенную, любящую порядок бабушку Дарью Семеновну.

— Экий бедокур! — сокрушалась она, но тут же смягчалась: Котя подкупал ее своей искренностью. У него была мягкая улыбка, отчего все лицо как бы озарялось сиянием покоряющей сердечной доброты.

Однажды жители Караванной увидели, как Котя пробежал по улице с чутунком дымящейся картошки. А когда узнали, что у него заболела мать и он сам пошел к военному коменданту и попросил сварить для нее картошку, то многие прониклись к нему искренней симпатией.

Мальчик заметно подрос и начал уже самостоятельно выступать в концертах — читал стихи. Всегда

волновался. Мать успокаивала его, говорила, что все будет хорошо. Виктория Владимировна помнит его первый выход: сын был одет в синий костюмчик, подпоясанный черным лакированным пояском. У него были большие испуганные глаза, когда, прочитав блоковские стихи «Прискакала дикой степью на вспененном скакуне...», он прибежал к ней за кулисы и, зарывшись в ее широкое платье, заплакал от волнения и счастья. Зал аплодировал маленькому артисту. Потом, овладев собой, он спросил почти шепотом: «Ну как, мама?» Она потрепала его по мягким, вьющимся волосам и поцеловала в лоб. Он понял, что экзамен выдержал.

Кроме Аполлона были у Коти еще друзья, и среди них Петя и Миша Остапенко — сыновья железнодорожного служащего и работавшей в их же доме дворничихи. Виктория Владимировна всегда была спокойна, когда Котя гулял с ними. Из окна квартиры она видела, как играют ребята в сквере, как вздымают пашки-прутики над головой, как скачут в сражение. А Котя с восхищением наблюдал за акробатическими номерами Миши Остапенко, который умел ходить на руках не минуту, не две, а целых десять.

Котя не любил выделяться среди ребят, но он не был и застенчивым. Когда друзья в жаркий день бегали босиком, он тоже снимал сандалии и пускался босым по Невскому. Иногда он с плачем отказывался надеть вечерний костюмчик — не хотел отличаться от товарищей. Кроме

сандалий летом он носил бапмаки на шнуровке, была у него шерстяная курточка с ремешком и большими карманами, всегда набитыми всякой всячиной. Костюмерша сшила ему несколько кепок — белую, голубую и красную. Последнюю он очень любил, она заменяла ему износившийся шлем. Жена Садофьева на лето сшила ему костюм из холста.

В школу Коте ходить близко — сразу за мостом через Фонтанку (теперь этой школы нет). Именно здесь проявился у мальчика еще один талант — он увлекся рисованием. Когда под рукой не было бумаги, рисовал прутиком на песке. Учился очень хорошо, аккуратно писал, любил читать и среди множества своих увлечений всегда успевал выучить уроки.

Шло время. По Невскому теперь разъезжали на рысках напманы, открывались богатые магазины, частные торговцы продавали белый хлеб и даже пирожные, но купить их мог не каждый — цены росли не по дням, а по часам: если вчера пачка папирос стоила миллион, то через неделю за нее нужно было платить уже пять миллионов. В учреждениях служащим еще выдавали пайки. На смену трудностям военных лет пришли трудности мирных дней. Даже дети почувствовали перемену.

Какие-то долговязые верзилы стали преследовать Котю и его товарищей. Ловили их в парадных и, показывая кулак, грозились:

— Дождетесь, комиссарские выродки, схлопочете!..

Виктория Владимировна, войдя однажды с улицы в парадную, услышала, как один из великовозрастных хулиганов сказал Коте:

— Все равно убьем тебя, не убежишь!

Что им сделал маленький мальчик?

С этой минуты в сердце матери вкралась тревога. Нельзя его одного отпускать на улицу.

Осенью 1920 года Героический театр прекратил свое существование. Мгебров и Чекан выступали с концертами. Иногда в этих концертах принимал участие и Котя.

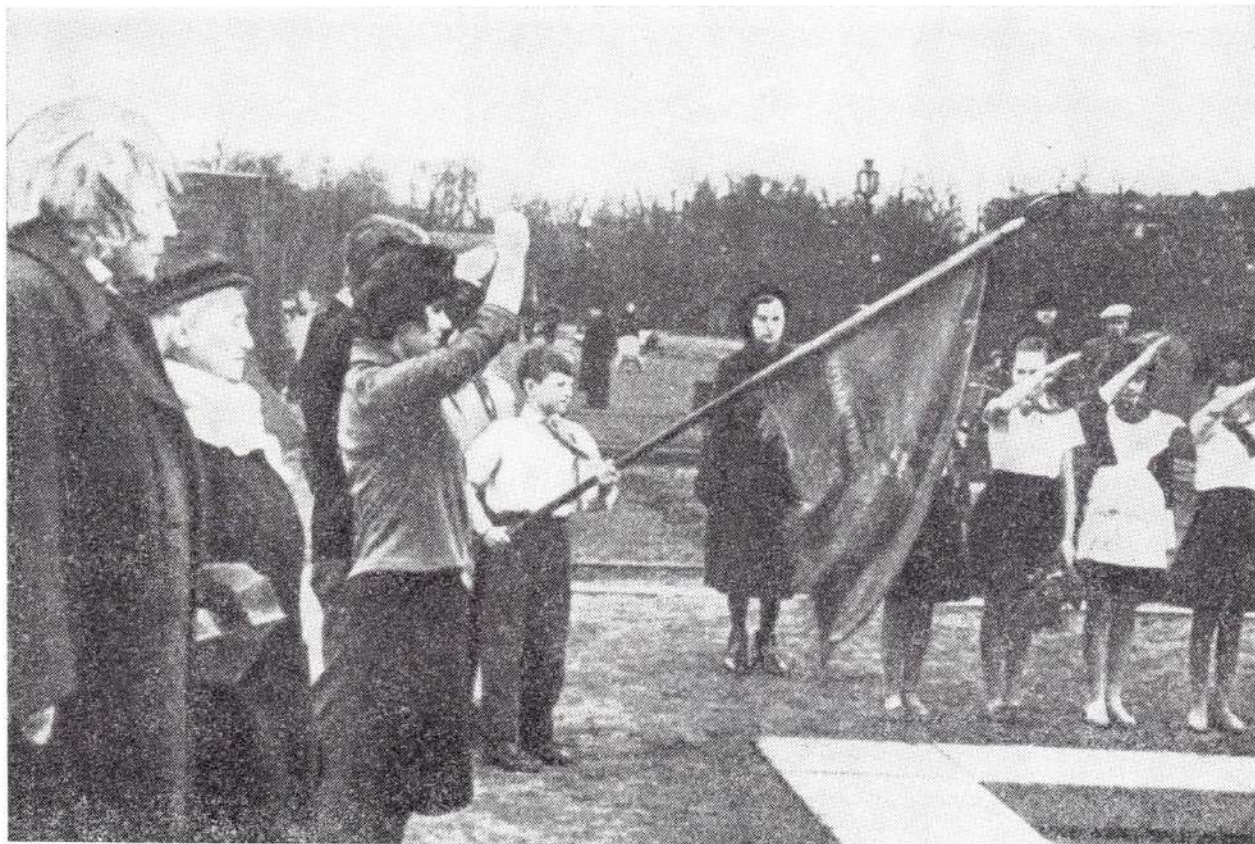
Ранней весной 1922 года, 20 апреля, в Таврическом дворце после собрания студентов-рабфаковцев был дан большой концерт, в котором участвовали артисты Мариинского театра и группа актеров бывшего Героического театра.

Мгебров показывал свою инсценировку по поэме Уитмена «Песня рассветного знамени». В представлении было занято четыре актера.

Еще раньше поставил Мгебров этот спектакль.

В альбоме у Чекан есть старое фото, где она снята в длинном черном платье, в сандалиях с высоко переплетенными ремешками. В левой руке держит она огромное знамя, читает стихи американского поэта.

Поэма исполнялась с пафосом. В центре сцены, на фоне облаков, в пурпурном сиянии — Чекан — Знамя, у подножия — Мгебров — Поэт. Он пел песню свободы, рожденную под бой барабанов и голос

314

Пионерская линейка у могилы Коти на Марсовом поле. Слева на снимке — родители Коти. 1964 г.

ветра, песнь рассветного знамени, песнь моря и земли. На авансцене стояли, пораженные видением, Отец (его играл рабочий-молотобоец Антонов) и Сын (Котя Мгебров). Ребенок тянется к реющему в небе знамени. Отец не хочет отпустить сына. Знамя призывает:

Довольно о лавках меняльных,
Все, все теперь наше, земля, и все воды,
И море, и реки, и нивы, и доли,
Для нас паруса кораблей,
Для нас эта ширь многотысячеверстная,

Для нас города с многолюдным их
грохотом,
И мы — миллионы людей...

Ребенок вырывается из рук отца и, подхватываемый Поэтом, возносится к Знамени. Обхватив руками древко, он читает стихи, как всегда с подъемом и вдохновением.

Зрители, восхищенные игрой юного артиста, бурно аплодируют, вновь и вновь вызывают его на импровизированную сцену. И тогда Котя с одобрения Александра Авельевича читает популярное в ту пору стихотворение Павла Арского «Красный Петроград». С особой выразительностью он произносит четыре строки:

Не отдам твои знамена
Красные врагам!
Если надо, жизнь без стога
За тебя отдам!

Никто не знал, что через несколько дней этот мальчик и впрямь расстанется с жизнью.

В тот день, 22 апреля, Мгебровы получили паек в Смольном — хлеб, рис, постное масло. Позавтракав, Котя отложил в сторону краюшку хлеба.

— Мама, можно я отнесу этот хлеб одному мальчику? Он заболел, у них дома нечего есть.

— Конечно, дружок. Давай я тебе заверну.

Схватив сверток подмышку, Котя быстро надел пальтишко и выбежал на лестницу.

— Котя, постой, ты забыл шарф! — крикнула Чекап, но стук башмаков уже затих. После рождения дочери она все чаще ловила себя на мысли, что теперь за Котей совсем некому присмотреть. А разве удержишь дома такого живого, любознательного мальчика?

Мать подошла к окну.

Котя уходил в сторону цирка с ребятами.

Один из мальчишек был на голову выше всех. Кто же это?

Старалась перебрать в памяти всех знакомых — вспомнить не могла. Отошла от окна, занялась уборкой.

Прошло менее получаса. На лестнице слышались быстрые шаги. Настороженно прислушалась. Дети что-то кричат, бегут по ступенькам. Резкий звонок в дверь. Открыла.

Перебивая друг друга, мальчишки продолжали кричать:

— Котю... сбросили... с трамвая... Он там... лежит...

Не помня себя, она выбежала из дома, как была, в платье.

Перебежала мост через Фонтанку.

— Котя! Котя!

На тротуаре стояли люди. Ярко блестели на солнце рельсы, и рядом с ними чернели пятна свежей крови...

Больше она ничего не помнит. Темнота. Затем полумгла больничного коридора, слабый свет хирургической, на белой подушке такое же белое, без кровинки, лицо сына.

Закричала, протянула руки, чтобы обнять.

— Мама... ты пришла... — слабо простонал Котя.

В ту же минуту он замолк, теряя сознание. Она дежурила у его постели день и ночь. Видела, как бледнеют его щеки, как бессильно смежаются веки, жизнь угасала на ее глазах.

— Скорее бы ночь... — прошептал он в забытие.

Через сутки Коти не стало.

В день похорон Виктории Владимировне рассказали в подробностях о том, что произошло в те несколько минут, когда Котя выбежал на улицу.

Рассказал о гибели Коти его товарищ Петя Осташенко.

Сегодня Петр Петрович Осташенко, ставший впоследствии, как и его брат Михаил, известным

артистом цирка, одним из основателей советской школы акробатов-прыгунов — единственный свидетель, который помнит обстоятельства трагедии, происшедшей 22 апреля 1922 года на мосту имени Белинского через Фонтанку.

В тот день к мальчикам, стоявшим у подъезда, подошел живший в доме напротив парень по прозвищу Васька Дымогар. Его не любили, был он драчуном, задирой, постоянным обидчиком малышей. Подошел он, как всегда, с независимым видом, закурил длинную тонкую папиросу, сплюнул после первой затяжки и предложил прокатиться «с ветерком» на трамвае до Литейного. Предложение было заманчивым, на мосту через Фонтанку трамвай идет под гору, все убыстряя бег. Отказаться — показывать страх, а кто же из мальчишек согласится выглядеть трусом? Тут же побежали к цирку, где была трамвайная остановка.

— Трамвай уже тронулся, когда мы подходили, — рассказывает Петр Петрович. — Мы с Котей вскочили на ступеньки передней площадки прицепного вагона, даже не обратив внимания, успел ли вскочить Васька Дымогар. Котя стоял на самой нижней ступеньке, я чуть выше. Вдруг я услышал с площадки грубый мужской окрик: «Вот я вам сейчас...» Мы испугались и поднялись на площадку. Трамвай в это время на большой скорости спускался с моста. Человек, пригрозивший нам, неожиданно снял ремень и замахнулся им, но не ударил,

а резко ногой вытолкнул Котю из вагона. Я испугался и молниеносно прыгнул вслед за ним, несколько раз перевернулся на мостовой и оказался почти на тротуаре. Со мной ничего не случилось — отделался легкими ушибами. Я встал на ноги и увидел остановившийся трамвай. Люди столпились у подножки второго вагона. Я протолкался вперед и увидел Котю с перебитой ногой, в крови, очень бледного, а рядом валялась шерстяная обмоточка, которой он обычно обертывал ноги от ботинка до колена. Дядьки с ремнем я не заметил, не было и Васьки Дымогара.

Котю поднял какой-то военный и на попутной машине доставил в больницу Памяти жертв революции (ныне имени Куйбышева). Хирурги, производившие ампутацию ноги, определили, что у Коти, кроме того, раздавлено бедро. От потери крови мальчик очень ослабел и умер 24 апреля.

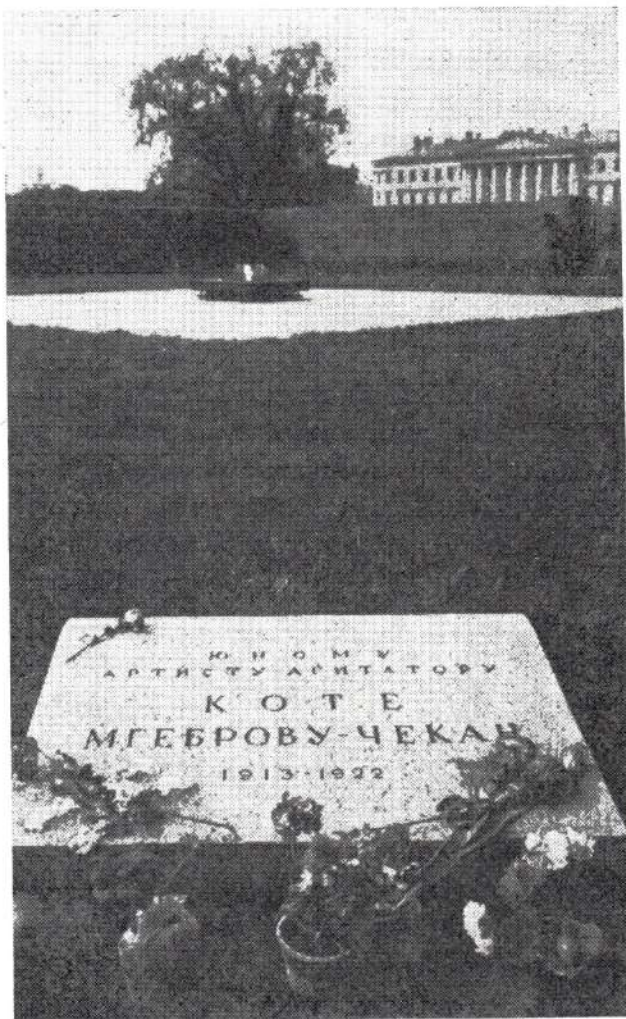
Гроб с телом Коти был поставлен в большой комнате Мгебровых. Здесь было много народа: статный старик с бородкой — дед, бывший генерал, знаменитые артисты, поэты, военные. Гроб утопал в цветах.

...Пятьдесят лет прошло с той поры. Многие друзья Мгебровых — журналисты пытались найти ответ на вопрос: «Что же произошло на мосту через Фонтанку?», но никто — ни люди, ни документы — не смог дать на него ответ. Сохранился некролог в «Петроградской правде», в номере от 26 апреля 1922 года. В нем говорится, что маленький ар-

тист Котя Мгебров-Чекан, артист-агитатор «до последнего времени перед большими и малыми пролетарскими аудиториями читал революционные стихи... Склоним головы перед ним, как перед революционным юношеством, так много отдавшим и отдающим в общей борьбе за освобождение пролетариата».

Недавно обнаружен в Ленинградском архиве литературы и искусства выцветший, почти слепой ротаторный утренний выпуск Петроградского вестника, издававшегося Петроградским бюро Российского телеграфного агентства (РОСТА), за 26 апреля того же года. На 82-м листе, среди других хроникальных сообщений, заметка о трагической смерти девятилетнего артиста Коти Мгеброва-Чекан, «с 18-го года выступавшего публично как декламатор и артист в Петрограде, Пскове, Риге и многих других городах». Сохранилась и запись в книге загса 1-го Центрального (ныне Куйбышевского) района, в которой сообщается, что Иван Мгебров-Чекан умер 24 апреля 1922 года в больнице от осложненного перелома бедра и рваной раны стопы. В графе «Где похоронен» указано: «Похоронен на Марсовом поле».

За гробом Коти Мгеброва-Чекан, который несли по Невскому, через Дворцовую площадь, к Марсову полю, шли рабочие, артисты, деятели культуры и Политпросвета Военного округа, студенты-рабфаковцы.

Ленинградцы чтят память юного артиста.

А впереди процессии полыхало то самое Красное знамя, перед которым Котя в последний раз читал стихи в Таврическом дворце.

Старая фотография в альбоме В. В. Чекан рассказывает об этом печальном дне. У только что вырытой могилы — маленький открытый гроб. Белое лицо мальчика, обрамленное темными волосами. Стоящая на коленях мать. Согбенная скорбью

фигура отца. Впереди малыши — друзья Коти, и среди них Аполлон Садофьев с деревцом в руках, которое он принес, чтобы посадить на могиле своего товарища.

О том, что Котю похоронят на Марсовом поле, Виктория Владимировна и Александр Авельевич узнали позже других, в самый канун траурного шествия. «Котя будет жить вечно, — сказали Чекал, — потому, что все, кто похоронен на Марсовом поле, бессмертны, ибо бессмертна память о них».

О многом может рассказать, многое напомнить старая фотография, запечатлевшая ширь Марсова поля и один из его квадратов с сотнями людей. И над всеми — замершие в безветрии знамена. На одном из них крупными буквами вышито: «Коте Мгеброву-Чекал. Маленькому артисту и певцу Великого Октября, пролетарской культуры».

318 Много легенд знает Марсово поле в Ленинграде.

Сам народ творит эти легенды о тех, кто лежит под гранитными плитами, озаренный вечным пламенем в центре поля.

И люди читают имена героев, отдавших свою жизнь за счастье народа.

НЕ ЖЕРТВЫ — ГЕРОИ
ЛЕЖАТ ПОД ЭТОЙ МОГИЛОЙ
НЕ ГОРЕ, А ЗАВИСТЬ
РОЖДАЕТ СУДЬБА ВАША
В СЕРДЦАХ
ВСЕХ БЛАГОДАРНЫХ
ПОТОМКОВ.
В КРАСНЫЕ СТРАШНЫЕ ДНИ
СЛАВНО ВЫ ЖИЛИ
И УМИРАЛИ ПРЕКРАСНО.

Красные блики негасимого огня вспыхивают на лицах людей, на серо-розовых гранитных блоках. Колеблемое ветром пламя напоминает развевающееся знамя, такое же багряное, как полотнища четырех стягов, установленных по углам мемориального четырехугольника.

**ПОСЕВ ВАШ
ЖАТВОЙ СОЗРЕЕТ
ДЛЯ ВСЕХ НАСЕЛЯЮЩИХ
ЗЕМЛЮ.**

Пророчески звучат сегодня эти слова, запечатленные в камне, — посев революции дал великие всходы. Прислушайтесь, и среди пришедших на Марсово поле вы услышите и речь французов, потомков парижских коммунаров, и немцев, и англичан, и поляков, и болгар...

Только девять лет прожил на свете наш маленький герой, а похоронен рядом с известными революционерами. Его образ вызывает интерес, а короткая, но яркая жизнь — преклонение.

Вот почему нередко звонит телефон в квартире Виктории Владимировны Чекал, и юные следопыты, готовя сборы или альбомы, посвященные Коте Мгеброву, задают ей вопросы. Вот почему рядом с Вечным огнем Марсова поля, у могилы маленького артиста, пионеры застывают в торжественной линейке. Из разных районов страны приходят письма в дом № 14 по улице Толмачева — бывшей Караванной, где живет В. В. Чекал. Люди просят Victoriю Владимировну рассказать о сыне, прислать его фотографию.

По радио в час вещания для детей можно услышать музыкальную радиопостановку «Флаг на баррикаде», посвященную памяти Коти Мгеброва-Чекан. И словно оживает голос юного коммунара, словно он рядом с нами — так проникновенно поет Павлик Егоров, солист детского хора Ленинградского радио, исполняющий роль Кости (Коти). Коте по-

свящают пьесы и стихи. Одно из них — «Сын народа» Всеволода Азарова заканчивается такими строками:

Артист девятилетний звался Котей.
Вы и сейчас на Марсовом найдете
На камне имя Мгеброва-Чекан.
Сюда приходят люди многих стран,
Те, чья любовь — высокая награда
Для маленького сына Петрограда.